

© 2023 г.

А.Б. ГОФМАН

## О ГОСПОДСТВЕ ИДЕИ ГОСПОДСТВА: «ВОЛЯ К ВЛАСТИ» В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ТЕОРИИ (Часть I)

---

ГОФМАН Александр Бенционович – доктор социологических наук, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (agofman@hse.ru).

---

**Аннотация.** В современной социологической и социальной теории на ведущее место выдвинулся концепт власти и главным образом такая его разновидность, как господство. Произошел своего рода захват концептуального пространства теоретической социологии понятиями власти и господства. Эти последние претендуют на роль главного объяснительного принципа социальной жизни. Автор квалифицирует данную теоретическую позицию как своего рода «властный детерминизм» и «властный редукционизм». Это прослеживается и в общей теории, и в отраслевых социологиях. Концептуальная экспансия власти и господства прослеживается и в том, что все большее значение имеют и близкие к ним понятия («сила», «насилие», «угнетение», «принуждение», «гегемония» и т.п.), а также антонимы соответствующих терминов («подчиненность», «повиновение», «субординация», «зависимость», «сопротивление», «несогласие» и т.п.). Подобные категории занимают важное место в социальных теориях современности (П. Бурдьё, Э. Лаклау и Ш. Муфф, Дж. Агамбена, Дж. Батлер и др.). Наиболее развернутую концепцию всеобщего и повсеместного присутствия власти разработал М. Фуко, попытавшийся реализовать призыв Ницше к тому, чтобы превратить социологию в учение о власти. В статье анализируются интеллектуальные истоки и сущность идеи «властного детерминизма» и «властного редукционизма».

**Ключевые слова:** власть • господство • социальная теория • концептуальная экспансия • М. Вебер • Ф. Ницше • М. Фуко

DOI: 10.31857/S013216250025448-5

«Коренной вопрос всякой революции есть вопрос о власти в государстве» [Ленин, 1969: 145]. Перефразируя В.И. Ленина, можно сказать: коренной вопрос всякой современной социальной теории есть вопрос о власти везде и всюду. Можно констатировать своего рода одержимость многих социальных теоретиков концептом власти, и прежде всего такой его базовой разновидности, как господство (доминирование). Цель статьи – проанализировать существенные аспекты главенствующей роли и безграничной экспансии идеи «власти-господства» на концептуальное пространство социологической и, шире, социальной теории, а также интеллектуальные и практические истоки и следствия этого явления.

**Парадигма власти-господства.** В социальной и политической науке господство рассматривается как специфическая форма власти, отличающаяся от других ее форм. Классическая трактовка этих двух категорий М. Вебером хорошо известна. Согласно ему, «власть – это любая вероятность реализации своей воли в данном социальном отношении даже вопреки сопротивлению, на чем бы эта вероятность ни основывалась»,

а «господство – это вероятность того, что определенные люди повинуются приказу определенного содержания...». Он утверждал: «ситуация господства» предполагает только непосредственное наличие господствующего, но не обязательно – «штаба» или «союза» господства [Вебер, 2016: 109].

Разумеется, Вебер признавал также значение «права сильного», насилия и сопротивления в подобных ситуациях. Но в общетеоретическом плане он делал акцент на двусторонней взаимосвязи господства и повиновения, рассматривая ее как своего рода взаимобмен. Вебер обращал внимание на то, что повиновение может вызываться не только слабостью и беспомощностью повинующихся, но и их рациональной и практической заинтересованностью или оппортунистическими мотивами. Отсюда его повышенный интерес к легитимному господству, основанному на признании повинующимися, к формам этого господства [Вебер, гл. 1, § 3; гл. 3].

В отличие от веберовской интерпретации, в современных трактовках власти как господства часто подчеркивается ее принудительный и ограничительный характер. Выражая такую позицию, С. Льюкс утверждает: «Власть как господство есть способность ограничивать выбор других, используя принуждение или добиваясь согласия с их стороны через создание препятствий жить, как требуют их собственная природа и суждения» [Льюкс, 2010: 126]. Далее он развивает и усиливает это утверждение: «Власть как господство будет присутствовать там и тогда, где и когда она служит интересам власть имущих или не наносит им ущерба, а также негативно отражается на интересах тех, кто ей подчинен» [Льюкс, 2010: 126].

В качестве специфической особенности господства иногда подчеркивают устойчивость и постоянство власти одних групп и индивидов над другими [Кола, 2001: 78; Scott, 2006: 16; Ледаев, 2007: 508–509].

Нередки сугубо негативно-оценочные взгляды на господство. В этом случае оно, по существу, отождествляется с такими явлениями, как тирания, деспотия и авторитаризм, и оценивается как признак социальной патологии. Резюмируя подобные взгляды, авторы исследования политических представлений современных россиян, проведенного исследователями Института социологии ФНИСЦ РАН (руководитель С.В. Патрушев), выделяют следующие характерные признаки господства: 1) несправедливый вид социальных отношений; 2) нормативно-нежелательная форма «власти для»; 3) воспроизводство на структурной основе ингибиторов свободного осознанного выбора; 4) произвол власти: ее субъект по желанию устанавливает контроль над объектом и набором его возможностей; 5) структурно и процедурно обеспеченные возможности субъекта власти ограничивать, искажать возможности выбора ее объекта; 6) навязывание субъектом в своих интересах норм и правил социальных отношений; 7) установление статуса участников взаимодействия без учета интересов объектов власти [Патрушев и др., 2021: 141–143].

Очевидно, в таких трактовках господства оно выступает как явление, которое, будучи «патологическим», во-первых, встречается относительно редко, во-вторых, может, и должно, быть немедленно ликвидировано там, где оно все-таки существует, что, очевидно, вряд ли возможно.

Более широкую трактовку господства мы встречаем у П. Бурдьё, который приписывал ему чрезвычайно важную роль. Специфику социальных классов он видел в том, какое место они занимают в структуре господства, в свою очередь базирующегося на экономическом, культурном, социальном и символическом видах капитала. Особое значение Бурдьё придавал «символической власти», «символическому насилию» и «символическому господству», утверждая, что эти явления основаны на «символическом капитале». Сам процесс производства символов в его интерпретации есть инструмент господства. Символическая власть – это «власть учреждать данность через высказывание, власть заставлять видеть и верить, утверждать или изменять видение мира и тем самым воздействие на мир» [Бурдьё, 2007: 95].

Бурдые подчеркивал, что «символическая власть есть превращенная, т.е. неузнаваемая, преобразованная и легитимированная форма власти, подчиненная другим формам власти» [Бурдые, 2007: 95]. Важное значение он придавал такому явлению, как «натурализация господства», т.е. репрезентации господства определенных групп как «естественного» результата легитимации, якобы укорененной в природе вещей и будто бы не истекающей из действий самих господствующих (см., в частности: [Бурдые, 2005]).

В некоторых трактовках господства можно найти сочетание негативно-оценочных и описательных подходов к его изучению. Американский философ политики И. Шапиро характеризует господство пятью отличительными признаками. 1) Оно «представляет угрозу для чьей-то свободы», если люди «попадают во власть других людей». 2) Это «вид несвободы», при которой господствующие могли бы ее уменьшить или устранить, по крайней мере в принципе. 3) Степень господства может быть различной в зависимости от важности для людей определенных ресурсов и возможности доступа к ним – безопасности, питание, здравоохранение, образование и т.д. Чем важнее ресурсы, тем больше нужда в них, тем уязвимее они для потенциального господства. 4) Это «тип несвободы, несущий в себе дыхание беззакония», иными словами, ситуация, в которой власть поддерживающие «каким-либо образом используют свою власть незаконно». 5) Оно – особого рода партикуляризм, скрытый внутри коллективных соглашений [Шапиро, 2019: 52–60].

В нашу задачу не входит рассмотрение разнообразных аспектов проблематики власти и господства; на эту тему существует множество трудов<sup>1</sup>. Мы хотим лишь продемонстрировать наблюдаемую в настоящее время тенденцию придания власти, и прежде всего господству как ее разновидности, первостепенного значения в социальной жизни. «Власть-господство» составляет теперь своеобразный концептуальный симбиоз, призванный объяснить если не все, то почти все, что происходит внутри обществ и между ними. Социальные отношения все чаще рассматриваются как главным образом или исключительно отношения власти и господства.

Сегодня власть, включая господство, является далеко не только понятием политической социологии, как, в соответствии с традицией, считают Э. Гидденс и Ф. Саттон [Гидденс, Саттон, 2018: 296–305]. Она занимает важное место в понятийном аппарате таких областей социологического знания, как общая теория, социология семьи, гендера, сексуальности, организаций, знания и многих других.

Тема власти и господства – в центре многих популярных и влиятельных социальных теоретиков последних десятилетий, так или иначе находящих под влиянием марксизма и постмарксизма, постмодернизма и постпостмодернизма, анархизма и постанархизма, постколониализма и деколонизализма. Часто они работают в университетах, но тесно связаны с социальными движениями, борющимися за справедливость, равенство и освобождение от разнообразных форм угнетения: расового, классового, гендерного и трансгендерного, идентификаторного и т.д. и т.п.

Важный вклад в трактовку «власти-господства» в качестве главного понятия социологии внесли представители Франкфуртской школы, Л. Альтюссер и многие другие неомарксисты. Помимо Фуко, чемпиона по числу цитирований и приверженцев, которого можно считать родоначальником подобного подхода, среди этих теоретиков – Э. Лаклау (Лакло) и Ш. Муфф («дискурсивная» теория гегемонии, опирающаяся на воззрения А. Грамши) [Лакло, Муфф, 2000], Дж. Агамбен (концепции «суверенной власти» и «чрезвычайного положения») [Агамбен, 2011а; Агамбен, 2011b], Дж. Батлер (теория «субъекции») [Батлер, 2002], С. Ньюман (постанархистские интерпретации «несуществования власти» и «восстания») [Ньюман, 2021: 101–122, 166–169] и т.д.

В отличие от ранних этапов развития социологии, не власть рассматривается как социальное явление, а, наоборот, общество, социальные институты трактуются как властные явления. Мы наблюдаем постоянную озабоченность, даже одержимость господством

<sup>1</sup> См., в частности, вышеназванные работы Льюкса, Скотта, а также книгу В.Г. Ледеява [Ледеяв, 2001].

в социальных науках, заставляющую видеть его везде и всюду. Можно с полным основанием утверждать, что произошла своего рода узурпация теоретической власти концептом власти: концепт господства сам стал господствующим. Наряду с собственно «властью-господством», ту же роль играют «соседние» понятия – «сила», «насилие», «угнетение», «авторитарность», «манипуляция», «подавление», «принуждение», «гегемония»<sup>2</sup> и т.п.

Вместе с тем антонимы терминов, как и симметричные следствия различных проявлений господства, также получили широкое распространение. Речь идет о словах «подчиненность», «повиновение», «субординация», «зависимость», «автономия», «сопротивление», «несогласие», «не-господство», «не-власть» и т.п. Связующим звеном между этими двумя рядами понятий, также обретающих популярность, оказываются категории «борьба», «освобождение», «восстание», «бунт» и т.п.

В отличие от предыдущих периодов истории социального знания, господство и власть все реже рассматриваются как *explanandum*, объясняемое явление, и все чаще – как *explanans*, как то, что в объяснении не нуждается и выступает как объяснительный принцип если не всех, то многих социальных явлений. Господством и властью, с легкой руки М. Фуко и его последователей, стали объяснять идентичность, гендер, сексуальность, тело, душу, субъективность, познание, в том числе научное, медицину, особенно психиатрию, и т.д. и т.п. И не просто объяснять, а редуцировать эти последние к первым, рассматривая их как своего рода эпифеномены господства-власти. «Господство» в такой интерпретации поглощает разнообразные социальные явления и процессы. Значительная их часть, которая, в сочетании с прилагательным «социальный», ранее описывалась в качестве самостоятельных и важных элементов социальной жизни такими терминами, как отношения, связи и взаимосвязи, действия и взаимодействия, влияние, контроль, институты, принадлежность, идентификация и самоидентификация, социализация и т.д., полностью или частично стали рассматриваться как продукты господства или формы его проявления.

Отсюда знаменитый понятийный гибрид Фуко «власть-знание». В принципе, продолжая процесс гибридизации и выражая ход мысли Фуко и его приверженцев, можно говорить и о «власти-гендере», «власти-сексуальности», «власти-субъективности», «власти-медицине», «власти-здоровье» и «власти-болезни»; список этот может быть сколь угодно длинным. «Власть-господство» нередко не просто соседствует и соединяется с другими понятиями, а *поглощает и вытесняет их*. Происходит безудержная экспансия этого концепта на понятийное пространство социальной теории, точнее – завоевание им этой теории. Многочисленные энтузиасты такого подхода, «начиная с Мишеля Фуко, ...впитали идею того, что общество – это не бесконечно сложные системы доверия и традиций, развивавшиеся с течением времени, а что-то, что воспринимается исключительно через призму “власти”» [Мюррей, 2021: 93–94].

Мы сталкиваемся с одной из упрощенных и вульгарных форм детерминизма и редукционизма, при которой вся социальность трактуется как властное явление. При таком подходе не власть и господство рассматриваются как порождение общества (группы и т.п.), а, наоборот, последнее считается продуктом первых. Не власть рассматривается как социальное явление, а общество как властное. Обязательным атрибутом этой позиции является громогласно декларируемая забота о необходимости беспощадного «разоблачения» тех или иных видов «господства», «освобождения» от них и достижения невиданной «социальной справедливости».

**Теоретические истоки: объяснение господства и объяснение господством.** Разумеется, у отмеченных представлений существуют давние, устойчивые истоки. Их можно

<sup>2</sup> Распространение термина «гегемония», некогда довольно редкого, в последние десятилетия происходило громадными темпами. Согласно П. Андерсону, после 1961 г. количество англоязычных книг в области политической литературы, научной и полемической, содержащих в заголовках слово «гегемония», увеличилось от не более пяти в 1960-е гг. до 16 – в 1970-е, 34 – в 1980-е и 98 – в 1990-е гг. «За первые пятнадцать лет этого столетия вышла 161 книга с данным термином в заглавии, то есть они появлялись по одной в месяц» [Андерсон, 2018: 7].

обнаружить в донаучной, вненаучной, «фольклорной» социологии, содержащейся в культурных традициях разных обществ. Испокон веков обладателю власти, «господину», будь то вождь, монарх, правитель, рабовладелец, руководитель, хозяин, начальник, лидер, командир, босс, патрон и т.п., приписывалось важнейшее значение в жизни людей, что отражало реальное положение вещей. С подобными представлениями связаны идеи божественного происхождения власти и народного суверенитета, наделяющие власть и тех, кто ее осуществляет, сакральными свойствами и могуществом. Соответственно, упадок, деградация общества в народной традиции связывались с негативными качествами властителя, что нашло выражение в известной поговорке «Рыба гниет с головы» (в первоначальной версии, приписываемой Плутарху, – “Piscis primum a capite foetat” – «Рыба начинает пахнуть с головы»).

Что касается собственно социологии, то с самого своего возникновения она в значительной мере исходила из противоположного представления, согласно которому власть, как и государство, – это явления безусловно важные, но *вторичные* по отношению к обществу и его институтам. Она стремилась видеть *за* властью, а вместе с ней – *за* государством и государственными институтами, другую реальность, более глубокую и влиятельную, хотя скрытую, а именно реальность социальную: социальные институты, механизмы, традиции, коллективные волевые стремления и т.п. Таким образом с возникновением социологии в XIX в. прежняя причинно-следственная связь оказалась перевернутой, явно и неявно: *не общество таково, какова власть, а власть такова, каково общество!* Именно последнее мы должны познать и усовершенствовать, если хотим сделать более совершенной власть и вместе с ней – самые разные государственные и политические институты.

Огюст Конт, в отличие от Сен-Симона и многих его последователей-утопистов, полагал, что хотя в обществе преобладает солидарность, тем не менее, социальная иерархия, неравенство и власть в нем неуничтожимы. При этом общество в его понимании – реальность главным образом не экономико-политическая, а морально-религиозная. Соответственно, в его доктрине экономико-политическое господство уступает по значению морально-религиозному авторитету.

В отличие от Сен-Симона и Конта, Г. Спенсер, последовательный либерал, не был склонен к утопическим прожектам. Но, как и Конт, он исходил из того, что власть, управление и формы господства вечны и неуничтожимы. С одной стороны, он считал правительство злом, хотя и неизбежным, и там, где можно обходиться без государства, лучше обходиться без него; в противном случае общество окажется во власти всесильного бюрократизма (что впоследствии полностью подтвердилось). С другой стороны, в индустриальных обществах потребность во власти и управлении сохраняется, несмотря на угрозы, связанные с их потенциальной бюрократизацией. Поскольку эти общества более сложны, чем «воинственные» (“militant”), постольку власть в них усложняется и дифференцируется как в структурном, так и в функциональном отношении.

В работах Маркса господство рассматривается как социальная функция, основанная прежде всего на экономико-политическом неравенстве. В его интерпретации оно носит главным образом классовый характер, идет рука об руку с классовым неравенством и составляет один из аспектов последнего. Социальное неравенство, согласно Марксу, неотделимо от борьбы и насилия. Господствующий класс осуществляет эксплуатацию и подавление других классов, прежде всего класса-антагониста, в самых разных сферах от экономической до идеологической. В буржуазном обществе Маркс констатировал противоборство между двумя классами-антагонистами: буржуазией и пролетариатом. Господство класса буржуазии над пролетариатом носит наиболее явный характер и постепенно приобретает форму диктатуры. В противовес ей и для ее преодоления пролетариату необходимо установить собственную диктатуру.

Эта диктатура, согласно марксовой утопии, должна привести человечество к коммунизму, обществу без классов и вместе с тем без классового неравенства и всякого господства. Что придет им на смену, Маркс представлял себе довольно смутно, отчасти воспроизводя

сен-симонистские утопические конструкции всеобщего равенства, стирания социально-групповых различий и торжества самоуправления после победы коммунизма. Именно его собственное учение, по Марксу, позволяет раскрыть «тайну» классового господства, которое господствующий класс камуфлирует разного рода идеологическими мифами.

Сказанное не означает, что с возникновением и развитием социологии идея власти-господства как своего рода первопричины, всемогущей и вездесущей силы, исчезла: в какой-то мере она сохраняла свое присутствие. Это относится, в частности, к теориям элит Г. Моски и В. Парето, олигархического правления Р. Михельса, мифа и насилия Ж. Сореля, «культурной гегемонии» А. Грамши и другим. При этом «власть-господство» в подобных теориях все же трактовалась хотя и как важнейший, но все же элемент социального целого, зависящий во многом и от других элементов, и от самого этого целого.

Кроме того, идея власти-господства как первопричины продолжала существовать и в философских теориях; более того, она получила в них новый импульс. В данном отношении особое значение приобрела философия жизни с ее акцентом на жизненной силе и волевом начале. Старое представление о человеке как о существе, одержимом стремлением к господству, желанием господства, той страстью, которую Блаженный Августин называл *libido dominandi* (стремление к господству), так или иначе актуализировалось и выдвигалось на первый план.

Особый резонанс вызвала ницшеанская идея о человеке как существе, так или иначе находящегося во власти «воли к власти», которая безраздельно управляет его поведением. Ницше не просто возродил и актуализировал представление о *libido dominandi*, но превратил его в основополагающее для философской антропологии. Именно в его творчестве – первоисточник нынешнего представления о всеобъемлющем характере, вездесущности и всесили власти-господства в социальной теории. С точки зрения Ницше, «...жизнь и есть воля к власти» [Ницше, 1990: 381]. Сегодня мы во многом наблюдаем осуществление лозунга, который он сформулировал так: «Вместо "социологии" – некоторое учение о структурах господства» [Ницше, 2016: 319].

С Ницше начинается беспредельно широкая трактовка власти и господства, сохраняющаяся по сей день. Помимо явных видов «воли к власти», он обнаруживал и «замаскированные» ее виды. К ним Ницше относил «требование свободы, независимости, а также паритета, мира, сотрудничества», «стремление существовать вообще», «подчинение», «любовь – как окольный путь к сердцу того, чья власть больше, – чтобы властвовать над ним», а также «чувство долга, совесть», «хвала, благодарность» и т.д. [Ницше, 2016: 490–491].

Эта идея безраздельного и беспредельного господства «господства» нашла продолжение главным образом в работах М. Фуко; благодаря ему она реализована и в значительной мере воцарилась в современной социальной теории. На разных этапах своей жизни он испытывал огромное множество разных, в том числе взаимоисключающих, идейных влияний. Впрочем, от многих из этих влияний он легко отказывался. Но ницшеанцем, субъективно и по существу, Фуко, вероятно, оставался всегда. Именно он первым реализовал призыв Ницше превратить социологию как таковую в учение о власти и господстве.

**Мишель Фуко: власть повсюду!** Фуко – один из самых влиятельных мыслителей современности. Популярность его идей не знает себе равных. В разных странах мира его труды переиздаются, цитируются и исследуются; число продолжателей и поклонников его творчества в философии, социальных и гуманитарных науках, а также в тесно связанных с ними социально-политических движениях, огромно. С 2004 г. издается журнал "Foucault Studies", существует сайт <https://michel-foucault.com>; и тот, и другой посвящены изучению, развитию, пропаганде и применению идей Фуко [Руднев, 2015: 48].

Необычайная популярность идей Фуко отчасти вызвана тем, что они соответствуют некоей фундаментальной социально-политической потребности и в ряде аспектов играют в высшей степени стимулирующую роль. Но было бы наивным, на мой взгляд, полагать, что масштабы его влияния связаны с истинностью или убедительностью его концепций

и выводов: многие из них признаны ошибочными или сомнительными специалистами областей знания, которыми он занимался. Его воззрения отличаются чрезвычайно расплывчатостью, запутанностью и противоречивостью; впрочем, в эпоху постмодернизма и «постистины» это не считается недостатком. Наоборот, во многом именно этими отличительными чертами, а также скандальными особенностями его биографии, эпатажем и политическим активизмом объясняется их популярность. Можно согласиться с мнением, что дискурс Фуко изначально явился в высшей степени «пропагандистским творением», и «хотя формально он мог проистекать из методологических сфер философии и литературной критики, его практическая сила заключалась в его чисто политико-инструментальном характере» [Preparata, 2007: 106].

Выдвинув какое-то положение, Фуко на протяжении ряда лет его прояснял, уточнял, дополнял и даже опровергал; таким образом, он, по-видимому, сам пытался понять смысл сформулированного им ранее тезиса. При этом его попытки прояснить свои воззрения нередко делали их еще более расплывчатыми и туманными и, вместе тем, благодаря этому сверхпопулярными.

Интерпретация концепций Фуко давно превратилась в увлекательную игру, в разгадывание своего рода теоретических ребусов. Этой игрой занято множество аналитиков и составителей аналитико-герменевтических исследований, введений, ридеров и словарей, посвященных истолкованиям его творчества и многочисленным неологизмов. Впрочем, эти истолкования зачастую так же многозначны, противоречивы и расплывчаты, как и само его творчество. Есть основания полагать, что необходимость в столь масштабной экзегетике во многом вызвана не научной сложностью его воззрений, а их запутанностью, многозначностью и противоречивостью: *Фуко – автор не столько сложный, сколько темный*. И чем темней, загадочней становился этот теоретик, тем больше обожателей у него появлялось.

Воззрения Фуко чрезвычайно ситуативны, контекстуальны и изменчивы. Многие его высказывания следует понимать в тесной привязке к дате того или иного высказывания. Если он выдвигал некий тезис, скажем, в январе 1974 г., это не значит, что он готов был отстаивать этот же тезис в феврале того же года: велика вероятность, что в его глазах данное суждение к тому времени вполне можно было считать неверным, недействительным и неуместным.

Данная особенность связана у Фуко с «презентизмом» его мировоззрения, доминирующей ориентацией на настоящее, независимо от того, какая историческая эпоха находится в центре внимания познающего или действующего субъекта. «Презентизм» носит у него программный и открыто декларируемый характер; он касается как социальной науки, так и политической деятельности<sup>3</sup>. «Эпистемологические разрывы», которые он, вслед за Г. Башлярмом, Ж. Кангийемом и Луи Альтюссером, считал свойственными процессу научного познания как такового, прежде всего характерны для его собственной познавательной деятельности: она представляет собой целый ряд таких «разрывов». Учитывая отмеченные обстоятельства, становится понятно, что для многих аналитиков победоносно распутать противоречивые и туманные воззрения Фуко, представить их в более или менее связанном виде оказывается в высшей степени соблазнительной и амбициозной задачей.

Утверждать, что в расшифровке творчества Фуко достигнуты большие успехи, пока нет оснований: существующие его интерпретации часто так же противоречивы и туманны, как оно само. В иных случаях обнаруживается, что его воззрения либо ошибочны, либо, как ни удивительно, банальны, хотя эта банальность скрывается как раз за отмеченной запутанностью, радикализмом, эпатажностью и экстравагантностью суждений: именно последние черты часто принимаются за оригинальность.

На мой взгляд, понять Фуко невозможно, если, как это часто происходит, его чересчур «академизировать» и рассматривать его воззрения в отрыве от его биографии

<sup>3</sup> Эту особенность деятельности и творчества Фуко признавал и одобрял, в частности, его ближайший друг и единомышленник П. Вен [Вен, 2013: 156–157].

и политического активизма. Не случайно наиболее адекватные и глубокие исследования его воззрений встречаются именно в тех трудах, которые увязывают его социально-научные взгляды с его жизнью и внеакадемической деятельностью. При этом подобный подход полностью соответствует его собственным взглядам на анализ социально-научного творчества, в том числе своего собственного<sup>4</sup>.

Фуко трактовал власть и господство как явления всеохватывающие и вездесущие<sup>5</sup>. Он любил повторять (перефразируя известное высказывание фон Клаузевица), что «политика – это продолжение войны другими средствами» [Фуко, 2002]. Социальные отношения, в истолковании Фуко, сводятся к властным отношениям, к реализации власти, к ее удержанию, борьбе за нее, к борьбе против нее и т.п. Явно или тайно власть так или иначе действует везде и повсюду. Каждая группа, каждый индивид, в меру своих возможностей, либо осуществляет власть, либо сопротивляется ей, борется с ней, с тем, чтобы ее отнять и присвоить. Он подчеркивал ее дисперсный, рассредоточенный, многообразный характер, ее нетождественность политической или государственной власти. Многообразные механизмы власти, в его интерпретации, касаются как макро-, так и микроуровня: отсюда значение механизмов так называемой «микрофизики власти» и ее «капиллярных» проявлений<sup>6</sup>.

Учитывая изложенное, Фуко видел свою главную цель в том, чтобы постоянно выявлять и разоблачать тайные структуры и механизмы власти, господства и «дисциплинирования», с тем чтобы «освободить» от них угнетаемое человечество. По-видимому, он не очень задумывался над тем, что вслед за очередным «освобождением» может наступить другое, еще худшее порабощение. «За каждой практикой, институтом и за самим языком стоит власть, а цель Фуко – разоблачить эту власть и тем самым освободить ее жертв», – справедливо отмечает британский философ Р. Скрутон [Скрутон, 2021: 155]. Он же подчеркивает и некоторые другие важнейшие черты мировоззрения Фуко: «То, что его труды обнаруживают мифоманию и даже паранойю, я думаю, очевидно. Но то, что они содержат пропаганду и систематически фальсифицируют описываемые явления, установить гораздо сложнее» [Скрутон, 2021: 168].

В первом томе «Истории сексуальности» (1976) Фуко, рассматривая сексуальность как один из «диспозитивов» власти, излагает некоторые основы своего понимания этой последней. Согласно ему, власть в современных обществах характеризуется пятью признаками. 1) Она есть не то, что приобретает, делится, удерживается или упускается, она осуществляется «из бесчисленных точек и в игре подвижных отношений неравенства». 2) «...Отношения власти не находятся во внешнем положении к другим типам отношений» (экономическим, познавательным, сексуальным и т.д.), «но имманентны им...». 3) Власть исходит снизу; она рассредоточена в различных группах и институтах, в которых постоянно происходит множество локальных столкновений. 4) «...Отношения власти являются одновременно интенциональными и несубъектными»; никакой индивидуальный или коллективный субъект «не управляет всей сетью власти, которая функционирует в обществе (и заставляет его

---

<sup>4</sup> «...Я всегда считал, что мои книги в каком-то смысле являются фрагментами автобиографии. Мои книги всегда касались моих личных проблем, относящихся к безумию, тюрьме, сексуальности» [Фуко, 2006: 206].

<sup>5</sup> «Мишель Фуко мог моментально отыскать господство, притаившееся под каждым кустом», – иронически замечает И. Шапиро [2019: 55].

<sup>6</sup> Следует заметить, что в этих последних суждениях, в которых фукоисты и фуковеды часто видят необычайно важный и оригинальный вклад Фуко, не было ничего нового: и до него в социальной науке данное представление присутствовало. У того же Вебера мы читаем: «Область влияния господства на социальные отношения и культурные феномены значительно шире, чем кажется на первый взгляд. Примером может служить господство, которое практикуется в школе и выражается в считающихся ортодоксальными правилах письма и речи» [Вебер, 2016: 254]. Подобное широкое понимание власти и господства можно встретить и в работах Р. Дарендорфа, обосновывающего постулат «об универсальности структур господства» [Дарендорф, 2002: 445], и у многих видных социологов второй половины XX в. Но при этом они были далеки от одержимости властью, «властного редукционизма» и «властного детерминизма», отличающих взгляды Фуко и его последователей.

функционировать)...». 5) «...Там, где есть власть, есть и сопротивление...; сопротивление никогда не находится во внешнем положении по отношению к власти; ...сопротивления «являются другим полюсом внутри отношений власти; они вписаны туда как некое неустрашимое визави» [Фуко, 1996: 195–197]. Власть в его истолковании не только принуждает и ограничивает: она выступает и как продуктивная, креативная сила; в частности, именно она творит субъективность. Будучи повсеместной, она, оказывается, далеко не всесильна; Фуко любил подчеркивать нестабильный, зыбкий и эфемерный характер этого явления, в котором субъекты и объекты подчинения могут легко меняться местами.

Наряду с понятиями власть и господство Фуко также использовал ряд других понятий, которые должны были конкретизировать, иллюстрировать и расширить его положение о том, что вся социальная жизнь – это сфера властных отношений, их орудия и механизмы. К ним относятся, в частности, «сила», «насилие», «борьба», «дисциплина», «дисциплинирование», «дисциплинарное общество», «управление», «управленчество» (“gouvernementalité”)<sup>7</sup>, «нормализация», «контроль», «капиллярные власти», «микрофизические власти» и т.д.

В качестве наиболее адекватной модели общественного устройства Фуко рассматривал тюрьму, изучению которой посвящен его труд «Надзирать и наказывать. Происхождение тюрьмы» (1975) [Фуко, 2019]. Эта модель, согласно ему, лежит в основе других социальных институтов, такими как школа, армия, промышленное предприятие, университет и клиника; последнему институту он уделил особое внимание.

Фуко подчеркивал важнейшее значение «медикализации», под которой понимал вторжение врачей и медицины в области, на которые в добуржуазную эпоху их власть не распространялась, – в телесные и душевные практики для целей их капиталистической эксплуатации. Внутри «медикализации» он сосредоточил исследовательское и политическое внимание на феномене «психиатрической власти» как одном из главных в его глазах «диспозитивов» современного «дисциплинарного общества» [Фуко, 2007]. Можно утверждать, что, следуя той же логике, он мог бы так же пространно рассуждать не только о психиатрической, но о «кардиологической власти», «гинекологической власти» или «стоматологической власти», если бы на стоматологов у него был такой же зуб, как на психиатров<sup>8</sup>.

Вполне вероятно, что у продолжателей Фуко подобные штудии разновидностей медицинской власти имеются. Более того, может существовать целая область плодотворных исследований властных отношений в отдельных отраслях медицины и здравоохранения, как и в других профессиональных сферах. Не исключено, что такие исследования уже существуют. В таком случае мы имеем дело с парадоксальной, но нередкой ситуацией, когда заведомо банальные, ложные или даже бредовые идеи, в частности, благодаря самому факту своей эпатажности и популярности могут стимулировать развитие серьезных и перспективных научных исследований.

В сущности, у Фуко речь идет о становлении и развитии национальных систем здравоохранения, с одной стороны, и институционализации медицинских профессий – с другой. Последняя, как известно, была составной частью и следствием таких фундаментальных

---

<sup>7</sup> “Gouvernementalité” – один из неологизмов Фуко, занявший важное место в его концепциях. Среди вариантов его перевода на русский «управленчество» представляется наиболее удачным [Фуко, 2011: 161 и др.]. Попытки увидеть в этом слове связь со словами «ментальность» и «ментальный» (“mentalité”, “mental”) и, соответственно, переводить его на русский как «управленческая ментальность» и т.п., очевидным образом лишены оснований. Для наглядности ср., например, слово “gouvernemental” («правительственный», «управленческий») со словами “monumental” («монументальный»), “ornemental” («орнаментальный»), в которых подобная связь также явно отсутствует. Об ошибках подобного рода в немецких переводах Фуко и комментариях к ним см.: [Сенелар, 2011: 505, прим. 113].

<sup>8</sup> Впрочем, в этом последнем случае Фуко во многом прав, учитывая печально известную практику преднамеренного использования психиатрии в карательных целях. Но в его трактовке злоупотребления психиатрией выступают как ее сущность, что, несомненно, было ее искажением и дискредитацией этого профессионального института. Отсюда негативное отношение многих серьезных добросовестных специалистов данной области медицины к его воззрениям.

процессов, как рационализация, индустриализация, и в связи с этим институционализации и дифференциации профессиональной сферы. В результате, естественно, соотносительная социальная роль профессий существенно трансформировалась, что проявилось и в изменении значения присущих им властных функций.

«Медикализация» явилась одним из проявлений названных общих процессов, затронувших не только медицину и здравоохранение, но и множество других сфер и институтов. Оставаясь в рамках логики всевластия властных отношений, господства и «дисциплинирования», Фуко мог бы так же пространно и глубокомысленно теоретизировать по поводу «финансиализации», «инженеризации», «юридификации», «сынтификации», «эдюкализации» и т.п., имея в виду историческое возвышение профессий финансиста, инженера, юриста, ученого или преподавателя-воспитателя в современных индустриальных и постиндустриальных обществах, а вместе с тем и о соответствующем усилении их роли в различных системах власти и власти внутри них. Данные процессы многократно исследовались историками и социологами до, после и независимо от Фуко; это делалось более или менее успешно, хотя и не столь туманно и запутанно, громогласно и эпатажно.

*(Продолжение в следующем номере)*

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агамбен Д. Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь. М.: Европа, 2011а.
- Агамбен Д. Homo sacer. Чрезвычайное положение. М.: Европа, 2011b.
- Андерсон П. Перипетии гегемонии. М.: Ин-т Гайдара, 2018.
- Батлер Дж. Психика власти: Теории субъекции. Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя, 2002.
- Бурдые П. Мужское господство // Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики. М.: ИЭС; СПб.: Алетейя, 2005. С. 286–364.
- Бурдые П. О символической власти // Бурдые П. Социология социального пространства. М.: ИЭС; СПб.: Алетейя, 2007. С. 87–96.
- Вебер М. Хозяйство и общество. Очерки понимающей социологии. Т. 1. М.: ВШЭ, 2016.
- Вен П. Фуко. Его мысль и личность. СПб.: Владимир Даль, 2013.
- Гидденс Э., Саттон Ф. Основные понятия в социологии. М.: ВШЭ, 2018.
- Дарендорф Р. Тропы из утопии. Работы по теории и истории социологии. М.: Праксис, 2002.
- Кола Д. Политическая социология. М.: Весь Мир; Инфра-М, 2001.
- Лакло Э., Муфф Ш. К радикальной демократической политике: предисловие ко второму изданию «Гегемонии и социалистической стратегии». 2004. URL: <https://web.archive.org/web/20071212070553/http://www.politizdat.ru/outgoung/15> (дата обращения: 25.02.2023).
- Ледяев В.Г. Власть: концептуальный анализ. М.: РОССПЭН, 2001.
- Ледяев В.Г. Господство // Большая российская энциклопедия. Т. 7. М.: БРЭ, 2007. С. 508–509.
- Ленин В.И. О двоевластии // Ленин В.И. ПСС. Т. 31. М.: Изд. полит. лит-ры, 1969. С. 145–148.
- Льюкс С. Власть: Радикальный взгляд. М.: ГУ ВШЭ, 2010.
- Мюррей Д. Безумие толпы. М.: РИПОЛ классик, 2021.
- Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей. Черновики и наброски из наследия Фридриха Ницше 1883–1888 годов в редакции Э. Фёрстер-Ницше и П. Гаста. М.: Культурная революция, 2016.
- Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. Прелюдия к философии будущего // Ницше Ф. Соч.: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1990. С. 238–406.
- Ньюман С. Постанархизм. М.: РИПОЛ классик, 2021.
- Патрушев С.В. и др. Трансформация политического, социального и гражданского в условиях господства: российский случай // Россия реформирующаяся. Ежегодник. Вып. 19. М.: Новый Хронограф, 2021. С. 133–174.
- Руднев Ю.В. Два тела Фуко (Очерк современного состояния Foucault Studies) // Политика. Анализ. Хроника. Прогноз. 2015. № 4 (79). С. 48–68.
- Сенеляр М. Контекст курса // Фуко М. Безопасность, территория, население: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977/78 учебном году. СПб.: Наука, 2011. С. 475–511.
- Скрутон Р. Дураки, мошенники и поджигатели. Мыслители новых левых. М.: ВШЭ, 2021.
- Фуко М. Безопасность, территория, население: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977/78 учебном году. СПб.: Наука, 2011.

- Фуко М. Воля к знанию // Фуко М. Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М.: Магистериум; Касталь, 1996. С. 97–268.
- Фуко М. Интеллектуал и власти // Фуко М. Интеллектуалы и власть. Ч. 3. Статьи и интервью 1970–1984. М.: Праксис, 2006. С. 205–212.
- Фуко М. Надзирать и наказывать. Происхождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 2019.
- Фуко М. Политика – это продолжение войны другими средствами // Фуко М. Интеллектуалы и власть. Ч. 1. Статьи и интервью. 1970–1984. М.: Праксис, 2002 (Сер. «Новая наука политики»). С. 148–151.
- Фуко М. Психиатрическая власть. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1973–1974 учебном году. СПб.: Наука, 2007.
- Шапиро И. Политика против господства. М.: Праксис, 2019.
- Preparata G.G. The Ideology of Tyranny. Bataille, Foucault, and the Postmodern Corruption of Political Dissent. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2007.
- Scott J. Power. Cambridge: Polity Press, 2006. (Key Concepts).

Статья поступила: 27.02.23. Принята к публикации: 15.03.23.

## DOMINATION OF DOMINATION IDEA: “THE WILL TO POWER” IN CONTEMPORARY SOCIAL THEORY. Part I.

GOFMAN A.B.

National Research University Higher School of Economics, Russia; Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia

Alexander B. GOFMAN, Dr. Sci. (Sociol.), Prof., National Research University Higher School of Economics; Chief Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia (agofman@hse.ru).

**Abstract.** The core idea of this article is that in contemporary sociological and, more generally, social theories the concept of power, and especially in such its variety as domination, plays a key role. Moreover, there is a kind of seizure of the conceptual space in theoretical sociology by power and domination concepts. These latter concepts today claim to be the main explanatory principle of all social life. The author qualifies this theoretical position as a kind of “power determinism” and “power reductionism”. This trend can be traced in general theory, as well as in different particular fields of sociology. Conceptual expansion of power and domination may also be seen in the fact that concepts close to them (“force”, “violence”, “oppression”, “coercion”, “hegemony”, etc.), as well as their antonyms (such as “subordination”, “obedience”, “subordination”, “dependence”, “resistance”, “disagreement”, etc.) are becoming increasingly important. These categories occupy an important place in a number of the most popular social theories of our time (P. Bourdieu, E. Laclau, S. Mouffe, J. Agamben, J. Butler and many others). But it was Foucault who played the main role in substantiating omnipotent and ubiquitous presence of power in social life. He tried to implement Nietzsche’s call to turn sociology into a doctrine of power. The author analyzes the nature and intellectual origins of these ideas.

**Key words.** Power, domination, social theory, conceptual expansion, M. Weber, F. Nietzsche, M. Foucault.

## REFERENCES

- Agamben G. (2011a) *Homo Sacer: Sovereign Power and Bare Life*. Moscow: Evropa. (In Russ.)
- Agamben G. (2011b) *Homo Sacer: State of Exception*. Moscow: Evropa. (In Russ.)
- Anderson P. (2018) *The H-Word. The Peripeteia of Hegemony*. Moscow: In-t Gaidara. (In Russ.)
- Bourdieu P. (2005) Masculine Domination. In: Bourdieu P. *Social Space: Fields and Practices*. Moscow: IES; St. Petersburg: Aletheia: 286–364. (In Russ.)
- Bourdieu P. (2007) On Symbolic Power. In: *Sociology of Social Space*. Moscow: IES; St. Petersburg: Aletheia: 87–96. (In Russ.)
- Butler J. (2002) *The Psychic Life of Power: Theories in Subjection*. Kharkov: KhCGI; St. Petersburg: Aletheia. (In Russ.)
- Colas D. (2001) *Political Sociology*. Moscow: Ves Mir; Infra-M. (In Russ.)
- Dahrendorf R. (2002) *Rails from Utopia. Essays on the Theory and History of Sociology*. Moscow: Praxis. (In Russ.)

- Foucault M. (1996) *The Will to Knowledge*. In: Foucault M. *The Will to Truth. Beyond the Knowledge, Power and Sexuality*. Works of Different Years. Moscow: Magisterium; Kastal: 97–268. (In Russ.)
- Foucault M. (2002) Politics is the continuation of war by other means. In: Foucault M. *Intellectuals and Power*. P. 1. Articles and Interviews 1970–1984. Moscow: Praxis: 148–151. (In Russ.)
- Foucault M. (2006) The Intellectual and the Powers. In: Foucault M. *Intellectuals and Power*. P. 3. Articles and Interviews 1970–1984. Moscow: Praxis: 205–212. (In Russ.)
- Foucault M. (2007) *Psychiatric Power. A Course of Lectures Delivered at the Collège de France in the 1973/74 Academic Year*. St. Petersburg: Nauka. (In Russ.)
- Foucault M. (2011) *Security, territory, population: a course of lectures delivered at the Collège de France in the 1977/78 academic year*. St. Petersburg: Nauka. (In Russ.)
- Foucault M. (2019) *Discipline and Punish: The Birth of the Prison* (2019) Moscow: Ad Marginem. (In Russ.)
- Giddens A., Sutton P. (2018) *Essential Concepts in Sociology*. Moscow: HSE Publishing House. (In Russ.)
- Laclau E. and Mouffe C. (2004) *Towards a Radical Democratic Politics: Preface to the Second Edition of "Hegemony and Socialist Strategy"*. URL: <https://web.archive.org/web/20071212070553/http://www.politizdat.ru/outgoing/15> (accessed 25.02.2023). (In Russ.)
- Lediaev V. (2007) Domination. In: *The Great Russian Encyclopedia*. Vol. 7. Moscow: BRE: 508–509. (In Russ.)
- Lediaev V.G. (2001) *Power: Conceptual Analysis*. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)
- Lenin V.I. (1969) On dual power. In: Lenin V.I. *Complete works*. Vol. 31. Moscow: Izdat. polit. lit-ry: 145–148. (In Russ.)
- Lukes S. (2010) *Power: A Radical View*. Moscow: VSHE. (In Russ.)
- Murray D. (2021) *The Madness of Crowds*. Moscow: RIPOL Classic. (In Russ.)
- Newman S. (2021) *Postanarchism*. Moscow: RIPOL Classic. (In Russ.)
- Nietzsche F. (1990) Beyond Good and Evil. Prelude to the Philosophy of the Future. In: Nietzsche F. *Essays in two volumes*. Vol. 2. Moscow: Mysl. (In Russ.)
- Nietzsche F. (2016) *The will to Power. The Experience of Revaluation of All Values. Drafts and Sketches from the Legacy of Friedrich Nietzsche 1883–1888*, edited by E. Förster-Nietzsche and P. Gast. Moscow: Kulturnaya revoliutsia. (In Russ.)
- Patrushev S.V. et al. (2021) Transformation of Political, Social and Civil in the Conditions of Domination: the Russian Case. In: *Reforming Russia. Yearbook*. Iss. 19. Moscow: Novy Khronograf: 133–174. (In Russ.)
- Preparata G.G. (2007) *The Ideology of Tyranny. Bataille, Foucault, and the Postmodern Corruption of Political Dissent*. New York: Palgrave Macmillan
- Rudnev Yu.V. (2015) Two Bodies of Foucault (An outline of the Current State of Foucault Studies). *Politiya. Analiz. Khronika. Prognoz* [Politeia. Analysis. Chronicle. Forecast]. No. 4 (79): 48–68. (In Russ.)
- Scott J. (2006) *Power*. Cambridge: Polity Press.
- Scruton R. (2021) *Fools, Frauds and Firebrands. Thinkers of the New Left*. Moscow: VSHE. (In Russ.)
- Senellart M. (2011) The Course Context. In: Foucault M. *Security, Territory, Population: a course of lectures delivered at the Collège de France in the 1977/78 academic year*. St. Petersburg: Nauka: 475–511. (In Russ.)
- Shapiro I. (2019) *Politics Against Domination*. Moscow: Praxis. (In Russ.)
- Veyne P. (2013) *Foucault: His Thought, His Character*. St. Petersburg: Vladimir Dal. (In Russ.)
- Weber M. (2016) *Economy and Society. An Outline of Interpretive Sociology*. Vol.1. Moscow: VSHE. (In Russ.)

Received: 27.02.23. Accepted: 15.03.23.